

В.П. Буренин

Критические этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.П. Буренин**
Критические этюды / В.П. Буренин – М.: Книга по Требованию, 2013. –
403 с.

ISBN 978-5-517-98000-7

ISBN 978-5-517-98000-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О ГОГОЛѢ.

I.

Гоголь, какъ всѣмъ извѣстно, признанъ основателемъ той литературной школы, которая господствуетъ у насъ съ сороковыхъ годовъ и выдѣлила цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ и крупныхъ произведеній, поставившихъ русскую литературу въ уровень съ литературами европейскими, давшихъ ей среди нихъ самостоятельное мѣсто. Это вообще признано, объ этомъ никто не спорить. Но, странное дѣло, въ самый цвѣтущій литературный періодъ, когда появились наиболѣе зрѣлыя, наиболѣе талантливя работы Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Л. Толстого, Салтыкова, — именно въ этотъ цвѣтущій періодъ художественно-реалистической литературной школы ея основатель и величайшій представитель былъ какъ бы забытъ; забытъ не читающею публикой конечно — она всегда его помнила — а литератур-

ною критикой. Вѣдь если говорить правду, у насъ до сихъ поръ нѣтъ полной и цѣльной критической оцѣнки Гоголя, хотя бы, на примѣръ, даже такой, какую Бѣлинскій сдѣлалъ произведеніямъ и значенію Пушкина. Геніальный критикъ предполагалъ сдѣлать подобную оцѣнку—онъ не разъ обѣщалъ написать «большую статью» о сочиненіяхъ Гоголя—но ему не удалось выполнить свое предположеніе. Въ статьяхъ Бѣлинскаго разсѣяно много общихъ и частныхъ замѣчаній о разныхъ сочиненіяхъ Гоголя, много полемическихъ опроверженій, направленныхъ противъ нелѣпыхъ и тупыхъ мнѣній, исходившихъ при началѣ литературной дѣятельности Гоголя, да и впоследствии отъ различныхъ близорукихъ «цѣнителей и судей». Послѣднихъ статей, то есть полемическихъ, по отношенію къ Гоголю у Бѣлинскаго гораздо больше, чѣмъ собственно критическихъ. Это вполне понятно: при той борьбѣ, какую приходилось выдерживать Гоголю, какъ основателю новой художественной школы, съ старыми литературными теченіями, главному наиболее сильному и горячему приверженцу художника въ критикѣ необходимо было, стоя въ первомъ ряду бойцовъ, много и часто биться съ противниками «новаго слова», провозглашеннаго новымъ творцомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Бѣлинскій боролся за Гоголя и только-что народившуюся реалистическую школу неутомимо и, быть можетъ, именно за полемической борьбой и не успѣлъ выполнить

критическую задачу, очевидно очень тревожившую его: дать полный и обширный критическій разбор сочиненій Гоголя, установить болѣе или менѣе подробную и точную оцѣнку значенія великаго реалиста и общаго смысла его произведеній. Бѣлинскому удалось показать образчикъ полного и обстоятельнаго критическаго отчета только объ одномъ «Ревизорѣ», въ извѣстной статьѣ о грибоѣдовской комедіи, гдѣ онъ провелъ блестящее, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ правильное сопоставленіе двухъ геніальныхъ пьесъ. Объ остальныхъ произведеніяхъ Гоголя, повторяю, знаменитый критикъ почти всегда говорилъ урывками и больше по поводу ихъ, чѣмъ о ихъ сущности.

И мало того, что Бѣлинскому не удалось сдѣлать полную оцѣнку Гоголя, онъ при всѣхъ своихъ заслугахъ по разъясненію и утверженію гоголевской идеи въ литературѣ, при всѣхъ заслугахъ по защитѣ реалистически-художественнаго творчества автора «Мертвыхъ Душъ», тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ первыхъ установителей— скажу прямо— узкаго и односторонняго фальшиво-либеральнаго взгляда на *писательскую личность* Гоголя. Какъ извѣстно, знаменитая «Переписка» была встрѣчена Бѣлинскимъ съ великимъ негодованіемъ, была объявлена имъ публичной оплеухой, нанесенной Гоголемъ самому себѣ, была признана отступничествомъ великаго писателя отъ художественныхъ и моральныхъ принциповъ, выраженныхъ въ наиболѣе крупныхъ и

зрѣлыхъ его созданіяхъ, каковы «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Въ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю по поводу «Переписки», письмѣ, оглашенномъ въ печати очень недавно (и то съ пропусками), но въ свое время ходившемъ по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ—въ этомъ письмѣ Бѣлинскій приписалъ Гоголю даже предосудительныя карьеристскія цѣли, не говоря уже о томъ, что онъ объявилъ проницательнѣйшаго и глубочайшаго художника не только отсталымъ и невѣжественнымъ мыслителемъ, но даже злостнымъ обскурантомъ. Было бы страннымъ винить теперь благороднѣйшаго и искреннѣйшаго изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей въ такомъ мелкомъ отношеніи къ личности гениальнаго писателя: напротивъ, по обстоятельствамъ времени онъ, безъ сомнѣнія, былъ вполне правъ въ своемъ горячемъ протестѣ противъ того, что съ точки зрѣнія тогдашняго (да, пожалуй, и теперешняго) условнаго либерализма ему казалось въ Гоголѣ «обскурантизмомъ», «ретроградствомъ», отсталостью и невѣжествомъ. Но слѣдуетъ однако же сказать, не боясь обидѣть «тѣнь» Бѣлинскаго, что мнѣніе о *личности* Гоголя, мнѣніе о его мыслительныхъ качествахъ, пущенное имъ въ ходъ, было мнѣніе въ высшей степени несправедливое и пристрастное, объяснимое только склонностью критика къ крайнимъ увлеченіямъ съ одной стороны и кружковыми литературными вліяніями его времени—съ другой. Слѣдуетъ сказать также, что это мнѣ-

не, выраженное съ обычной страстностью и съ обычной силой, свойственными Бѣлинскому, имѣло послѣдствія крайне вредныя для установки правильнаго взгляда на писательскую личность творца «Мертвыхъ Душъ». Благодаря именно статьѣ Бѣлинскаго о «Перепискѣ» и еще болѣе благодаря его знаменитому письму, въ нашей литературѣ, или, по крайней мѣрѣ, — говоря рутинно-журнальнымъ выраженіемъ, — въ извѣстной ея «господствующей части» установился на Гоголя, какъ писателя - человѣка и какъ мыслителя, взглядъ, который, не боясь ошибки, можно назвать либерально-легкомысленнымъ и рѣшительно не соответствующимъ тому неизмѣримому величію творческаго ума и таланта, которые являетъ намъ создатель «Мертвыхъ Душъ». Этотъ фальшивый и узкій взглядъ установился такъ прочно, что позднѣе, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ повторялся съ самымъ непріятнымъ апломбомъ критиками и дѣятелями публицистики, которые, безъ всякаго сомнѣнія, по своимъ «идейнымъ» и такъ называемымъ гражданскимъ стремленіямъ недостойны были развязать ремня на сапогѣ Гоголя. Взглядъ этотъ перешелъ даже въ нѣкоторые мнимолиберальные курсы русской литературѣ и смѣло, или, точнѣе выразиться, нагло провозглашался тамъ наряду съ оцѣнками личности Пушкина, какъ высокоталантливаго поэта, но вертопрашнаго «гражданина», мало разумѣвшаго истинно - свободныя «идеи вѣка», и съ оцѣнками личности Лермон-

това, какъ даровитаго гусарскаго офицера — не болѣе того. У насъ вѣдь вообще существуетъ замѣтная склонность къ весьма легкому и развязному третированію наиболѣе крупныхъ и наиболѣе истинныхъ выразителей нашего народнаго духа, и въ этомъ отношеніи мы еще не приобрѣли себѣ до сихъ поръ той благородной робости передъ величіемъ избранныхъ представителей общественной мысли, представителей національнаго генія, какою обладаютъ другія европейскія націи. Только въ самое послѣднее время, если не въ литературѣ, то въ обществѣ, начали, кажется, обнаруживаться нѣкоторые признаки благопріятнаго поворота въ указанномъ отношеніи, что отчасти доказывается кой-какими фактами, выразившимися на радостномъ торжествѣ по поводу открытія памятника Пушкину и на печальныхъ торжествахъ похоронъ Достоевскаго и Тургенева. Я сказалъ: если не въ литературѣ, то въ обществѣ, потому что развѣ еще не видали мы недавно, какъ одинъ изъ мелкотравчатыхъ беллетристовъ нашихъ дней, повѣствуя въ своихъ журнальныхъ признаніяхъ объ исторіи своего литературнаго «развитія» и указывая на вліяніе въ этомъ развитіи гр. Л. Толстого, не преминулъ тутъ же обратиться къ геніальному автору «Войны и Мира» съ упреками и сожалѣніями о малой «развитости» этого послѣдняго и съ заявленіемъ, что эта малая развитость у насъ примѣчается во всѣхъ нашихъ геніальныхъ писате-

ляхъ и служить главною причиною того, что они подѣ конецъ своего поприща обнаруживаютъ слабомысліе и предосудительное отступничество отъ «идей вѣка», предосудительную мыслительную отсталость. Конечно, это фактъ мелкій, какъ мелокъ «дѣятель», публично выскочившій съ своими сожжалѣніями и наставленіями одному изъ величайшихъ теперешнихъ не только русскихъ, но и европейскихъ художниковъ, одному изъ самыхъ глубокихъ и оригинальныхъ умовъ; тѣмъ не менѣе, это фактъ характерный, и, какъ хотите, въ современномъ либеральномъ выскочкѣ, быть можетъ, отразилась та же самая тенденція, которая когда-то толкнула Бѣлинскаго на третированіе Гоголя, по поводу его «Переписки», какъ отсталого и мало развитого мыслителя и плохого «гражданина».

II.

Къ оцѣнкѣ личности того или другого геніальнаго художника отнюдь не слѣдуетъ подходить съ камердинерскими съ одной стороны и узко-партийными мѣрками—съ другой. Если цѣнить личности геніевъ съ точки зрѣнія ихъ человѣческихъ слабостей, то кого изъ наиболѣе великихъ не придется поставить на самый низменный уровень, къ злорадному удовольствію тупыхъ и пошлыхъ ничтожностей? Смѣшно и глупо корить, положимъ, Шекспира тѣмъ, что онъ давалъ деньги за про-

центы на склонѣ своихъ дней. Точно также смѣшно и глупо разбирать, основательно ли онъ зналъ школьныя науки и либераломъ или ретроградомъ онъ является въ своихъ драмахъ и комедіяхъ. Между тѣмъ, у насъ камердинерская и узко-партийная точка зрѣнія въ большомъ ходу и наши «развитые», «честные» и высоколиберальные критики очень любятъ ставить на видъ, что одинъ гениальный писатель обнаруживалъ предосудительную склонность къ пустой свѣтской жизни и придворному мундиру, другой дружилъ съ сильными міра сего, унижался предъ ними, ханжилъ съ святошами и отличался лукавствомъ, третій жилъ съ крѣпостными дѣвушками, купленными за деньги, четвертый любилъ поѣсть и выпить и предавался цинизму и т. д. Еще больше любятъ у насъ мѣрять гениальныхъ писателей на аршинъ партій и съ истинно-дѣтской назойливостью приставать къ нимъ: либералы они или ретрограды, соотвѣтствуютъ они по своимъ идеямъ и по своему образованію «последнимъ словамъ», «последнимъ выводамъ» науки и господствующаго либерализма или радикализма. Честные, развитые и высоколиберальные критики, практикующіе оцѣнки личности, образованія и политическаго направленія гениальныхъ писателей забываютъ объ одномъ чрезвычайно важномъ обстоятельстве, именно о томъ, что третируемые ими люди представляютъ въ жизни извѣстнаго общества и извѣстнаго народа явленіе необычайное, почти, можно сказать, чудесное явленіе, что

ихъ человѣческія слабости и даже пороки не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду величія ихъ художническаго призванія, что недостаточность ихъ формальнаго школьнаго образованія исчезаетъ, ступевывается въ виду ихъ прирожденнаго духовнаго всевѣдѣнія; что ихъ политическое «направленіе» не можетъ имѣть условной «современной» окраски, ибо они творятъ не для своего только времени, не для одной настоящей минуты, а и для ряда вѣковъ, для будущаго; что по большей части они именно свое-то время и опережаютъ шириною и глубиною своихъ идей, не укладывающихся въ узенькія рамки извѣстнаго «политическаго момента» въ развитіи того общества и народа, которымъ посылаетъ подобныхъ людей благосклонная судьба.

Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ такихъ необычайныхъ, чудесныхъ явленій въ русской жизни и только Пушкинъ, да развѣ еще Ломоносовъ могутъ съ нимъ стать въ одномъ ряду. Въ самомъ дѣлѣ, если попристальнѣе взглядѣться, не представляется ли по истинѣ изумительнымъ чудомъ такой фактъ: полуобразованный малороссъ, почти не видавшій Россіи и изучившій ее или проѣздомъ, или въ Петербургѣ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ схватываетъ весь строй русской жизни съ отрицательной точки зрѣнія и отражаетъ этотъ строй въ такихъ яркихъ и глубокихъ, въ такихъ общихъ и цѣльныхъ образахъ, что они, несмотря на политическую и обществен-

ную переформировку Россіи, до сихъ поръ по своей сущности остаются типическими и родовыми и, конечно, останутся такими навсегда. Полусобразованный малороссъ, почти незнакомый съ философско-художественными и научными теченіями его времени, обнаруживавшимися въ иностранныхъ литературахъ, почти незнакомый съ великими образцами этихъ литературъ, неизвѣстно какимъ провидѣньемъ усвоиваетъ съ необыкновенною глубиной пониманія идею реалистическаго творчества, только начинавшую назрѣвать тогда на Западѣ, и осуществляетъ эту идею рядомъ гениальныхъ созданій, несравненныхъ по силѣ художественной концепціи, выводитъ русскую литературу на совершенно новый путь, создаетъ цѣлую литературную школу, основной принципъ которой былъ усвоенъ высокоразвитыми западными литературами гораздо позднѣе, чѣмъ нашей, благодаря ему, сразу ставшей на почву правдиваго пониманія и выраженія истинныхъ задачъ искусства. Какъ онъ достигъ этого, при всѣхъ явныхъ недочетахъ своего образованія и, быть можетъ, даже жизненнаго опыта, недочетахъ, которые ему обыкновенно ставятся въ укоръ мудрыми цѣнителями и судьями? Вотъ въ этомъ-то и заключается чудесная тайна, поражающая каждого, кто захочетъ вникнуть въ дѣло, въ этомъ-то и заключается необычайность того явленія, которое представлялъ и представляетъ этотъ удивительный че-